

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Вадима Крабова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

РУС. ТОЧКА ОТСЧЕТА
РУС. СКЛОННЫЙ К СИЛЕ
РУС. ЗАЩИТНИК И ОСВОБОДИТЕЛЬ

Вадим КРАБОВ

РУС.
ЗАЩИТНИК И ОСВОБОДИТЕЛЬ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 533

Художник
С. Дудин

Крабов В.

К78 Рус. Защитник и Освободитель: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1777-3

«Ссора Богов» перекроила весь мир. Большинство государств ойкумены содрогнулось от многочисленных восстаний и бегства рабов в пятна — опаснейшие места, оставшиеся без хозяев. А значит, богатства пятен — «осколков» чужого мира — стали доступными! И никто не догадывался, что виновником «ссоры» был человек по имени Рус — пришелец из другого мира, мира без божественных Сил... Он побывал в обличье бога, и этого хватило: полная потеря человечности во всех смыслах этого слова его не устраивала. А такая опасность стала очень даже реальной: стоит сделать один неверный шаг, и раствориться в «тупом бессельном могуществе»... Оно ему надо?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Вадим Крабов, 2014
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1777-3 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Всеведущи ли боги? Наличие многих подобных сущностей заставляет нас сомневаться в этом. Каждый из них несет свое бремя и знает только то, что положено ему в своей сфере. Я готов поспорить об этом с философами твоей школы, так как доводы коллег, лишь по недоразумению называющих себя моими единомышленниками, я давно изучил и в частых дискурсах не оставил от их рассуждений камня на камне...

Отрывок из письма неизвестного философа

ПРОЛОГ

Более трех лет назад в молодой мирок, созданный богиней Геей, попал необычный человек. Во-первых, он прибыл из забытого всеми богами мира, где не было ни капли Божественной Силы, — немыслимо! Во-вторых, его воля — душевное качество, которое местные маги определяли как «способность к управлению Силой», — оказалась очень сильной, практически божественной. Дошло до того, что один могучий бог — Френом — со смехом назвал этого странного гостя «сынком». С него станется, бог был еще тем шутником. Приходил в мир Геи когда вздумается, взял «под свое крыло» целый народ — этрусков и сделал их великолепными воинами.

Хитрые эльфы-сектанты, убегая от охватившей их родину тотальной войны, очутились в том мире «по ошибке». В местных землях они чувствовали себя крайне стесненно: «вектор Силы» для них был не тот. Жили исключительно в пятнах — осколках их старого мира, Валая. Разумеется, такое положение их не устраивало, и они решили найти себе новое пристанище, более уютное. Темные и светлые эльфы, или, по-местному, каганы и альганы, считающие себя Перворожденными, разглядели необычную волю пришельца. Его уговорили принять участие в ритуале, где собирались использовать Руса (местное имя землянина Владимира Нодаша) в качестве донора — в прямом смысле этого слова. Намеревались выкачать всю кровь, до капли, использовать ее в качестве независимой от богов Силы и перенестись в новый

мир. Как это могло повлиять на Гею, на жизнь местных людей, их попросту не интересовало — а повлияло бы. Этот исход грозил оставить после себя полностью разрушенный мир, погибли бы миллионы людей. И тогда произошла «Ссора Богов», как назвали это событие местные жители. Рус не дал себя убить. Более того, он сумел «сыграть роль бога», что при его воле неудивительно.

В итоге магическая структура мира изменилась: пропали эльфы, в неведомых глубинах реальности стигнул Эребус — бог Межзвездного Мрака, сменила свою сущность и резко ослабла Лоос — богиня «плодородия и деторождения». Если Эребуса одолел Френом, то с Перворожденными и с Лоос «разобрался» лично Рус в образе безымянного бога. Его можно понять. Именно богиня «плодородия» выдернула Владимира с Земли, и в ордене Родящих он угодил в рабство душевное, с полным подчинением самой воли, с постоянным ни с чем не сравнимым страданием. Давно он лелеял месть и отомстил. Кстати, именно во время той самой «Ссоры» Френом, увидев оригинального псевдобога, и обозвал Руса «сынком». А достичь «псевдобожественности», несмотря на всю свою волю, Рус смог только благодаря чисто человеческому чувству — любви. Так что без нее, похоже, во всех людских мирах жизнь невозможна...

ГЛАВА 1

Со дня свадьбы Руса и Гелинии прошло полгода. Жители Эолгула, недолго посудачив об «освящении брака лично самой Геей», вскоре вновь погрязли в вечной торгово-ремесленной суете, забыв о необычном, но их не касающемся явлении.

«Выдал князь младшенькую — хвала богам и предкам! Живут себе в загородной вилле, никого не трогают — хвала им же. «Закатный ветерок» называется место. Большой дом с садом и каменная ограда, вроде как структурами укрепленная. Загадочное место и богатое... А муж-то, оказывается, этрусским царем был. Что там случилось — одним богам ведомо, но князь зятя привечает... А Гелингин? Слышали? Продолжает с мужем в орден Хранящих ездить! Совсем стыд потеряла. А муж куда смотрит? Ну и порядки в той Этрусии!..» — в среде скучающих беззаботных матрон подобные разговоры все еще можно было услышать. Когда другие темы исчерпывались.

Спокойствия Гелинии хватило на месяц. Привыкла к новым ощущениям, втянулась в семейную жизнь, и свободное отцовское воспитание дало о себе знать. Первым делом выгнала Сирилгин. Сама не ожидала от себя такой ревности, но, как только узнала о бывшей «постельной служанке», взъярилась. Все понимала, простила, но как жить, зная, что «соперница за стенкой»?

Здесь она, надо сказать, немного преувеличила. Служащие жили в отдаленной части большого квадратного дома с внутренним двориком и бассейном, с хозяйкой пересекались редко, а сама Сирилгин так и вовсе не попадалась ей на

глаза. Тем не менее Гелиния вызвала домоправительницу Асмальгин и приказала немедленно выгнать мерзавку Сирилгин.

Пожилая тиренка, услышав гневный приказ Гелинии, рухнула на колени. Во взоре — чистая преданность.

— Госпожа Гелингин, княжна! — Знала, что не любит хозяйка, когда ее называют на тирский манер и тем более величают княжной, однако сказала это намеренно, дабы отвлечь часть гнева на себя, ибо характер пожилой женщины был строг, но справедлив.

Сирилгин, по мнению «правильной» домоправительницы, далеко не подарок и вполне заслуживает презрения, но никак не нищеты или рабства, куда легко могла загреметь за долги ее бедного семейства.

Слово за слово, и юная жена, смягчившись, разрешает выдать изгоняемой служанке двухмесячное денежное содержание и, более того, позволяет объявить от своего имени «попечение о невесте», то есть назначила за ней хорошее приданое. От женихов теперь отбоя не будет.

«Вот так, красавица, — гордо думала опытная Асмальгин, — а ты, глупая, с мужем споришь. Упади на колени, согласишься, ублажи, и все по-твоему будет. С возрастом поймешь...» Вдовствующая тиренка, прожив со своим благоверным (самодуром — не чета Русу) почти сорок лет, прошла хорошую школу и всегда вертела мужем, как хотела.

Три года назад супруг ушел в «мир Предков». Поначалу, как и положено верной вдове, рвала себе сердце. Но после, получив службу в «Закатном ветерке», прекратила молить суровых Духов «скорее забрать ее для встречи с мужем». Этого настроя, неподобающего для истинной дочери Тира, стыдилась. Управление большим хозяйством открыло ее, вдохнуло новые силы. Она приняла «Закатный ветерок» как собственный дом и распоряжалась в нем точно так же — в лучших тирских традициях. Чувствовала себя полноценной хозяйкой, правда, за одним исключением — Грации. Ее, в то время по сути содержанку, почему-то боялась как огня. Хвала богам, сейчас она замужем и живет в городе. Зато появилось новое расстройство — Гелиния, которая, вдобавок к своему «неправильному» семейному поведению, продолжала обучение у Хранящих.

«Не дело замужней женщине равняться с мужем в мужских делах его! Не по заветам Предков это. Ох, молодежь, ох уж эти современные нравы!» — возмущалась, но, разумеется, виду не подавала. По неписаным тирским законам «семейный кодекс» един для всех: хоть для вождей, хоть для рабов.

Собственно, против «несправедливых законов Предков», где женщине отводилась второстепенная роль, и бунтовала в свое время Гелингин, младшая дочь вождя сарматов, а ныне жена Руса Четвертого из рода Нодаш. Вышла замуж и все равно не успокоилась. И муж (где это видано?!) поддерживал ее прихоти!

Полное имя молодой хозяйки стало короче прежнего. Вместо Гелингин из рода Шахнидов, дочь Пиренгула из племени сарматов — Гелиния Нодаш из рода Шахнидов. Поскольку она вышла замуж не за действующего царя Этруссии, а за уже сложившего с себя царский венец, то ей никакого номера не полагалось. Даже в «Божественное Завещание» — главную этрусскую религиозно-историческую книгу — она не попала. В отличие от мужа, который довольствовался записью: «...сие царствование длилось не дольше [высыпания] двух статеров [песка] по часам Главного Фрегорского храма...» Зато в «Своде Княжеских и Майорских родов Великой Этруссии» ее имя как жены Руса Четвертого появилось на самом почетном месте. Бывшие цари крайне редко оставались в живых, поэтому сразу заносились в «князья царского рода», на самую верхнюю строку того самого «Свода».

«Странный он, господин Рус, ой какой странный... — Подобные мысли в разных вариациях приходили в голову Асмальгин очень часто. — Говорят, царем какой-то Этруссии был. С него станется, он может... Тогда порядки у них там — жуть!...» При этом внутренне содрогалась.

Кроме семейных отношений хозяев, домоправительницу сильно волновало повышенное внимание к их вилле со стороны князя родного Тира. Если постоянная открытая и скрытая охрана вокруг «Закатного ветерка» только радовала (еще бы, все-таки княжеская дочь здесь жила), то частые приезды большого количества непонятного вооруженного народа — пугали. Во время этих визитов всех слуг, в том числе и саму управляющую, запирали в подвале. Наблюдательный Серенгул, слуга-привратник, как-то заметил, что следы

от крытых повозок при въезде на виллу вдавливались в землю гораздо сильнее, чем при выезде. Словно приходили гружеными, а обратно шли пустыми. Странно это. Ну да ладно, господин Рус — маг из магов; ему что самому исчезнуть, что спрятать княжеское добро в неведомой дали — раз плюнуть. А вот зачем это нужно князю — лучше даже не думать. Всех служащих заставили поклясться богами и Памятью Предков в том, что ни одно слово о происходящем на вилле не уйдет за ее единственные ворота, а страшный коронпор Максад (Главный Следящий за безопасностью княжества) принудил расписаться или приложить палец к не менее страшному, чем он сам, пергаменту «о неразглашении государственной тайны». Боги и Предки, возможно, и могут простить, но от Максада не скроешься — это точно!

И конечно, умная Асмальгин не могла не связать носившиеся по всему Тиру слухи о скорой «войне за пятно» с «пропажей грузов» на вилле. Связала, но язык не распускала. На рынках и улицах и без нее хватало «знающих людей» и «очевидцев», рассказывающих «из первых уст».

— ...каганы, как есть, пропали! Все до одного, пусть не примут меня Предки, если я вру!

— ...твари успокоились, как обычные звери стали, ага... Да я сам ходил! Охота там — загляденье!.. Так его есть нельзя, отравишься! Мясо ему покажи...

— ...ордена и эндогорцы валом туда валят, верь мне. Мой сын писал...

— ...ой, что будет, уважаемая(ый)! Рабы в пятно бегут, а наш князь, пусть его лета будут долгими, запретил их оттуда возвращать! А как их до этого проклятого пятна поймаешь? Метки, дарки их разорви, пропали! Один убыток, одни расходы! А знаете, сколько «степные волки» берут за поимку рабов? — В этом случае голос обычно переходил на шепот, и говоривший боязливо озирался. — Лучше вообще о них забыть! Ни на одном рынке, даже в богатой Месхитии, рабы столько не стоят. А надо сказать, их цена резко подскочила; отовсюду бегут, не только от нас. Они считают: там рай! Да мрут они там, а все равно лезут в пятна как зачарованные. Да, уважаемая(ый), вполне возможно, вполне... я слышал, — голос торговца либо состоятельного покупателя снова понижался, — это проклятие лоосок. Перед тем как сгнуть са-

мим, наслали его на рабов. Они же рабами больше всех торговали. Как не знал(а)? Общеизвестный факт, я тебе говорю! Теперь приходится терпеть убытки. Борков пасти (овец, хлеб сеять, строить, месить глину и так далее) некому! Куда смотрят боги и Предки! — Жалостливо возводились руки к небу, скорбно опускались, и рассказчик резко переходил к собственно торговле. — Никак не могу цену скинуть (больше заплатить), ты уж извини...

И цены медленно ползли вверх, что крайне возмущало хозяйственную Асмальгин. Мысленно она корила безумцев: «Дурачьё! Плохо жилось? Да, продать могли, наказывали, заставляли работать — а как вы хотели? Предки завещали такой порядок! А вы — бежать. Ну, сгинете в том пятне — и что? Лучше? Вот и продукты из-за вас дорожают!» Возмущалась совершенно искренне, хотя сама из кожи вон лезла, чтобы спасти от рабской участи мерзавку Сирилгин, причем только от возможной, но далеко не обязательной участи.

Неоднозначной женщиной была эта домоправительница «Закатного ветерка». Не сказать, чтобы добрая, но и не злая, воспитанная строго в соответствии с вековыми тирскими традициями, за них и держалась.

Тирский князь Пиренгул не слушал базарные сплетни, он точно знал, что война грядет неминуемо. Полгода только о ней и думал, готовился, как мог. Первые месяцы тайно, а последние два почти открыто. Не только потому, что тайну уже не сохранишь, но и потому, что того требовали планы, в которые в полной мере не посвящал даже сыновей.

Наконец время пришло, и Пиренгул собрал сынов в своем кабинете. Пожив во дворце, обвыкся, и относительно небольшая комната перестала напоминать шатер кочевника, а превратилась в обычное рабочее место геянского чиновника где-нибудь в центральных землях ойкумены. «Совещательный» стол, рабочий стол, кресло, стулья, стеллажи со свитками и редкими толстыми тяжелыми пергаментными книгами, у которых одно удобство — быстрый поиск нужных сведений. В углу стояло неременное бюро с секретными замками, кое-где оббитое железными пластинами с нанесенными Знаками — главное хранилище княжеских секретов.

— Обстановка вокруг княжества понятна, сыновья? — Риторическим вопросом Пиренгул закончил длинный монолог. Если кто скажет «нет», заработает от отца «крайнее неудовольствие».

В кабинете находились все три сына и сам князь. На полу, на потолке, на стенах, в окне и в дверях светились «глушащие» Знаки, от переизбытка Силы различимые даже не-магами. Строжайшая секретность.

Выслушав молчание, Пиренгул перешел к конкретным задачам:

— Рахмангул. Ты мой старший и неплохо показал себя как полководец.

Сын, тщательно скрывая довольство, важно кивнул. «Неплохо» из уст скупого на похвалы отца означало «отлично».

— На тебе главное — порты. Тайное укрепление давно идет, руководит им твой троюродный дядя Рахман. Примешь командование. Разберись на месте, что надо поправить, распредели силы и запомни: больше войск не дам, даже не проси. Неоткуда взять, увы. — Суровый Пиренгул не выразил сожаления — и не только тоном, но даже руки не развел. И старший сын промолчал, не задал закономерный вопрос: «А куда это ты, папа, подевал пять сотен лучших воинов с магами и шаманами?» Знал, что ответа не дождется, и понимал: отец никогда ничего не делает просто так. — Собирай кочевых воинов, прижми «степных волков» — они за золото родную мать продадут. Максад подскажет, как их найти. Людей собирай тайно! Это ты понимаешь, но напоминаю не зря: первая встреча должна быть самой радушной, у капитанов не должно остаться ни капли сомнений в наших добрых намерениях. Смотри не подведи! Я уже три месяца уверяю месхитинцев, галатинцев, гроппонтцев в нашем миролюбии!

Вместо Рахмангула, осторожно кашлянув, ответил Танагул, младший сын, который в Великом походе ничем, кроме личной доблести, не отметился:

— Отец! Почему бы не пропустить этих жадных тварей? Им пятно нужно, а мы им нужны, как прошлогодний навоз! А затем, — лицо Танагула, восхищенного собственной хитростью, выразило крайнее довольство, — ударим им в спину!

Из пятна они войска не отзовут. Правда? — спросил, с горделивой надеждой оглядывая братьев.

— Ты не понял?! — Пиренгул мгновенно вспыхнул, но сразу же потух, с грустью вспомнив о невысоких умственных способностях младшего. — Для заморских стран наше княжество — самый удобный проход к пятну. На западе — пустыня, на востоке — сильная Эндогория с неудобными проходами через перевалы. Эндогорцам, несмотря на договор, не до нас. Они нас заранее бросили, втайне отдали нашу территорию центральным странам под базы. Освоение пятна намечается стать очень долгим процессом. Да что я объясняю! Они бы сами с удовольствием прошлись по нам, но масштабы пятна такие, что им просто не хватает на нас силенок! Пришлось им за нашей спиной договориться с «заморскими» и предоставить им проход через союзный Тир...

— Вот чем проверяются союзники, — тихо проворчал Мамлюк, средний и, пожалуй, самый умный сын, — богатыми пятнами...

— И не только ими, сын, — согласился с ним князь, — но сейчас не об этом. Сведения точные, Максаду можно верить. У него давно щупальца при многих дворах. Раскинул, когда мы еще кочевали. Жаль, вести запаздывают. — Здесь Пиренгул, нахмурившись, недовольно вздохнул. — Ордена разбираются, у Пронзающих вроде появились подвижки в амулетах... Не об этом речь, сыны! Танагул, запомни: что бы нам ни обещали сильные страны, как ни клялись, но стоит только пустить волка в отару... Надеюсь, понимаешь? Нет разницы, как мы их встретим, конец один: Тиру как самостоятельному государству — не быть! Крепко они здесь обоснуются, не как эндогорцы, которым, по большому счету, дела до нашей земли не было. Теперь она нужна как безопасный перевалочный пункт перед пятном, как кормовая база нужна. Поэтому, сыновья, сколько бы меду ни лили в наши уши, они не оставят за спиной независимое княжество. Да они и «первой волной» спокойно пройти не смогут, даже если захотят! — Князь от возмущения повысил голос. — Ни за что эти чванливые царьки не оставят в тылу неподконтрольное им войско варваров! — В глазах Пиренгула полыхнуло пламя, кулак с размахом опустился на крепкую столешницу, и взор

погас. Плавающий успокоился. Хвала богам, ничего не подпалил.

Рахмангул, сжав скулы, нахмурился; Танагул, скривившись, отвернулся, с трудом скрывая несогласие, а вот Мамлюк смело спросил:

— Может, нам сразу откочевать в пятно? Народу не привыкать.

Князь от удивления открыл рот:

— Мамлюк, тебя ли я слышу?

Сын ответил, не отводя спокойного рассудительного взора:

— Зачем лишние жертвы? А пятно, ты сам говорил, большое — места всем хватит. Отобьем «первую волну», положим лучших наших сынов, а дальше? Царства не успокоятся, пойдут еще и еще. Людей и денег у них хватит. Или я неправ? А нам, всем народом, с полнокровной армией в пятне придется гораздо легче, чем одним женщинам и детям, где они тогда точно достанутся чужеземцам. В чем я неправ, отец? — Мамлюк вдруг резко повернулся от отца к братьям: — А может, вы скажете, что я трусил? — Спросил с холодным остервенением, в котором ясно слышалась боль. Не за себя, за весь многострадальный тирский народ.

Рахмангул качнул головой, то ли соглашаясь, то ли, напротив, возражая, и нахмурился еще сильнее. Танагул презрительно посмотрел в потолок, словно выискивая на нем надпись «трус». Пиренгул закрыл рот и внимательно всмотрелся в среднего сына, открывая его еще с одной стороны.

«Нет, сынок, до полноценного князя ты пока не дотягиваешь, но я рад за твои здравые мысли, только...» А с этого места заговорил вслух.

— Пятно не такое уж и большое, всего сто миль в поперечнике, — первым делом уточнил он. — Мамлюк, ты давно доказал свою храбрость, и в твоих словах об уходе есть резон... — Сказал ободряющим тоном, но, чуть подумав, продолжил сурово: — А наша родная земля, земля наших предков для тебя ничего уже не значит?

— Мы — кочевники, отец, — твердо ответил сын. — Главное — сохранить народ, а после можно вернуться, отвоевать заново...

— ...если захочется, — закончил за него князь. — А вдруг там не жизнь, а мед? Захочет народ возвращаться? И уверен

ли ты, что на новых землях мы сохраним свою власть, что роды не разбегутся?

— Ты так дорожишь этой властью? — смело спросил распалившийся Мамлюк.

— Дорожу! — Пиренгул выдохнул, как припечатал. — Не для того мы, сарматы, проливали кровь, чтобы так легко разбрасываться княжескими венцами! Вспомни историю, сын! Как легко нас завоевывали эндогорцы! А почему? Мы были врозь. Роды и племена всегда враждовали, ослабляли друг друга.

Сейчас отцу внимал не только виновник родительской суровости, из которой, кстати, неизвестно что могло последовать, но и братья.

— Кто знает, что будет в пятне? Не растащат ли вожди наш народ? Некоторые уже снимаются с постоянных кочевий и уходят в каганские земли. Не замечал, Мамлюк? — В ответ услышал лишь смущенное молчание всех сыновей. — А про треть оседлого народа, тоже тиренцев, забыл? Конечно, в крайнем случае, и они вспомнят свои корни, уйдут, но пока надо сражаться и за них в том числе!

Князь выдержал длинную тягостную паузу, как бы предоставив сыновьям время на обдумывание его мудрых слов.

— Мы будем драться за свою землю, всем народом встанем, пока это еще возможно! А придется уходить, — в его властный голос вплелись нотки глубочайшего сожаления, — то уйдем обескровленным, но единым племенем. Ты меня понял, Мамлюк? Единым! Это гораздо сильнее полнокровной армии, которая скоро, поверь мне, в поисках удачи разбежится по родам, к своим родичам...

Средний сын не был бы самим собой, если бы не нашел, что возразить. Правда, не так уверенно, как начинал этот спор:

— Если в пятне большие опасности, а без них никак, то не разбегутся.

Князь нагнулся к сыну и, глядя в упор, глаза в глаза, произнес с нажимом:

— Уверен? Пастбищ там вдоволь... каганов точно нет, твари присмирели... людей пока мало... так-то, сын, нам придется сражаться здесь, в Тире. Не только за нашу власть, но и за весь пока еще единый народ.

Пиренгул увидел в глазах Мамлюка согласие и, несмотря на упрямое выражение его лица, словно кричащего: «Нет, я тоже кое в чем прав! Но как верный сын подчиняюсь...» — довольно откинулся на спинку кресла.

— А там еще и богатства, — неожиданно вставил осмелевший Танагул. — Золото, каганит¹. Без нас заберут, отец.

Князь открыто усмехнулся:

— Не заберут, сын, не переживай. Я знаю главные жилы, и все, вопрос закрыт!

Все, что касалось обширных знаний Пиренгула об Эндогорском пятне, — табу. Сыновья понимали, что это связано со странной возней отца с новым зятем, Русом. В его вилле под прикрытием строгой секретности исчезли пять сотен воинов с магами, сотни талантов неизвестного груза. Ясно, что все ушло в пятно, но куда именно — тайна за печатями Предков. Как и сам Рус, отрекшийся этрусский царь, маг-Хранящий — тайна. Наследники князя знали только о его работающей Звездной тропе, которую более не мог создавать ни один маг. Ведали и о благоволении к нему Духов Великих Шаманов, о которых вспоминали исключительно с содроганием. Может, этот Рус и есть последняя надежда их отца? Неизвестно. В присутствии родителя речи о нем не заводились — запрет, родившийся после посещения плато Шаманов сам собой.

А Гелингин как раньше обижалась на братьев (подумаешь, склонная к Силе оказалась!), так и продолжала дуться до сих пор. Подойдешь — лишнего не скажет. Всегда умела молчать, гордячка. Когда муж ее воспитает?

— Кажется, дети, мы и внутреннюю политику невзначай обсудили? — пошутил князь, закрывая неожиданный спор. Никто даже не улыбнулся, но атмосфера заседания, до этого сгустившаяся, все же посвежела. — Теперь задание тебе, Танагул. Пошуми-ка ты на границе с Эндогорией, порежь, сколько сможешь, наших отщепенцев-асманитов². Это ты любишь и справишься. — Младший сын расцвел, услышав эти

¹ Каганит — уникальный минерал, порошок из которого использовался во многих эликсирах, амулетах и Знаках. Знаки — мини-структуры, наносимые посредством специальных эликсиров и воздействия мага в основном на оружие или доспехи с целью улучшения их свойств. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Асманиты — сторонники свергнутого тирского князя Асмана Второго.

слова. — Но не зарывайся! Знаю я тебя. Не приведи Могучий¹, сцепишься с эндогорцами, и тогда все наши планы полетят к даркам на закуску! Понял?! — И так грозно глянул на сына, что тот хоть и был недалек умом, но осознал — правильное выполнение задания стоит выше его высокого звания «княжеского сына» — отец не пожалеет.

Танагул сглотнул ком, невесть откуда взявшийся в горле, и хрипло выдавил:

— Я не подведу, отец!

— Смотри, задание ответственное, — «смягчился» князь. — Нам не нужны удары в спину от бывших сородичей. Теперь и до тебя добрались, Мамлюк. На тебе поездки по дальним кочевьям, особенно ближе к границе пятна. Отвадь их от преждевременного бегства, но проследи за сборами к дальней дороге. С этого дня на тебе лежат припасы для выхода в новые земли. Исходи из численности всех тиренцев, запас лишним не бывает. Действуй от моего имени. Не стесняйся, но и на силу не нажимай... ну, этому тебя учить не надо.

Мамлюк важно кивнул. Во время Великого похода он показал себя хорошим управленцем.

— А мне, сыны, остается самое важное. — Все замерли, ожидая чуть ли не Откровения. — Сидеть в Эолгуле и изворачиваться перед послами.

Дети разочаровано выдохнули. Не открылся отец. А ведь точно, на что-то надеется, иначе не излучал бы *такую* уверенность в очень сомнительной победе. Хотя... Пиренгул, маг-Пылающий, всегда был хитрым, умным и дальновидным политиком. Не зря завоевал княжеский венец малой кровью.

Он имел только одну слабость — безмерную любовь к младшей дочери, Гелингин. Души в ней не чаял и всю жизнь потакал ее нелепому стремлению вырваться из оков традиционного представления тиренцев о месте женщины. Впрочем, и без отцовских поблажек, имея склонность к Силе, она могла позволить себе многое. Но только до замужества! Дальнейшая «общественная деятельность» вверялась воле супруга. Конечно, с учетом положения семей той и другой сто-

¹ Могучий — титул Пирения, бога Огня. (Почитатели наградили. Самому повелителю пламенной стихии это звание было до лампочки.)

роны. Например, выйди она, княжна, за какого-нибудь мелкого вожда, то вряд ли бы он посмел запретить ей, допустим, продолжить учебу у Хранящих, а формально имел право. Много нюансов в тирских обычаях, как, пожалуй, и в обычаях любых народов.

Но Гелингин волею Геи вышла замуж не за понятного тиренца, а за загадочного Руса. Пиренгул одновременно и радовался, и страшно переживал за дочь. О том, что творится у них в семье, старался не думать — так легче спалось. Но в одном он был абсолютно уверен — Рус костями ляжет, а жену спасет, оградит от опасностей. Только вот сам он больно беспокойный и волей-неволей тянет за собой его доченьку. Будет ли она счастливой? Пока при встречах сияет. Надолго ли? Любящее отцовское сердце беспокоилось.

Семейная жизнь — не сахар. Рус понимал это еще на Земле и теперь, спустя полгода после женитьбы, убедился окончательно. Гелиния оказалась далеко не тихой домохозяйкой. Ее своенравность часто сталкивалась с его непреклонностью, создавая бурный эмоциональный коктейль с размолвками и примирениями. Тридцатидвухлетний Рус представлял свою семейную жизнь более спокойной, мечтал о жене более покладистой и, если честно, все-таки постарше девятнадцатилетней, простите, боги, своенравной соплячки. Хотя примирения вкупе с горячим сексом его очень даже устраивали...

Реальная жизнь не соответствовала ожиданиям и юной Гелинии. Она мечтала, что муж будет носить ее на руках. Не буквально, конечно, не маленькая девочка — понимала; но в любви-то он должен был признаваться! Это так приятно слушать. А он, бергат бесчувственный, лишь время от времени, и то под давлением! Разве это дело?

Но вопреки, а может и, наоборот, благодаря, своей разности они были счастливы.

Рус пахал как борк в страду. Горячо поспорив с Отигом, перешел практически на отпускное положение. Самостоятельно выбрал занятия алхимией, астрологией, не прекращал индивидуальные уроки у магистра и пропадал в библиотеке. Это только «ученические» дела. Еще он помогал Пиренгулу

заниматься Кальварионом — каганским городом в ближайшем пятне и Этрусию не бросал. Можно сказать — разрывался.

Разрывался, но и о «профессиональном росте» жены не забывал и первым делом, после того как разобрался в новых магических реалиях, научил ее строить структуру обтекателя и обеспечил соответствующим амулетом.

До «Ссоры Богов», во время которой богиня Лоос вернула себе свою истинную сущность, а Эребус сгинул в неизвестных пластах бытия-небытия (не без помощи Руса, но об этом молчок!), амулеты-обтекатели прекрасно работали, защищая человека от магических атак средней мощности. Теперь перестали. Дело не в перераспределении Божественных Сил, причина крылась в привязке артефакта к астральному телу владельца. Так называемый общий астрал, откуда и осуществлялся доступ к астральным телам, до сих пор оставался закрытым. И не только для магов, но и для русовского Духа слияния с астралом.

Личные амулеты больше не привязывались, магические метки на людей не ставились и соответственно следить за ними, да и вообще за астральными следами, оставляемыми всеми живыми существами, не представлялось возможным. Отличное средство наблюдения пропало, и координаты для Звездных троп больше не снимались.

Да и кому они теперь нужны? Звездные пути проходили через царство Эребуса — Звездную тьму и, стало быть, создаваться перестали. Разве что Рус досадовал, да и то не сильно — координат он помнил достаточно. Грех было жаловаться: «зыбучая яма» работала прекрасно, и хвала богам! Вот отсутствие связи, то да — раздражало сильно.

Силы Эребуса и Лоос никакого участия в общем астрале не принимали, поэтому маги-ученые терялись в догадках о причинах странного феномена недоступности общего астрала, тем более в личные астральные трансы маги по-прежнему легко входили. Магистры искали обходные пути и, похоже, кое-что нащупывали.

И никто не подозревал о подспудном горячем желании Руса, когда он находился в «божественном» обличии, избавить лоосских рабов от страданий, освободить ошейных невольников, лишить магических меток их простых товари-

щей по несчастью и отрезать слежку за беглецами из астрала. Да он и сам не задумывался над связью своих стремлений с нынешним положением дел, потому как не осознавал и находился тогда в, мягко говоря, не совсем нормальном состоянии.

Обтекатель Рус доработал. Было у структуры досадное побочное действие, прямо вытекающее из самой ее сути. Она отсекала Силу без разбора, то есть не только разрушала внешние структуры, защищая своего создателя или владельца амулета от чужих магических атак, но и закрывала доступ к «родному» потоку Божественной Силы. Маг, используя эту защиту, на какое-то время становился не-магом. Поэтому в боевых условиях амулеты обтекателя использовали исключительно несклонные к Силе: Ермил, Саргил, Архип, Леон, который в Этрусии все-таки обрел склонность к Силе, Грация, которая спасла Андрея. После Великого похода артефакты появились и в учебном подразделении тирских воинов-спецназовцев, куда перешли бывшие лоосские разведчики.

От добра добра не ищут, поэтому в первую очередь Рус занялся не изменением структуры, а поиском новых способов привязки хорошо зарекомендовавшего себя амулета. Пришлось перерыть всю небогатую библиотеку Эолгульского филиала ордена Хранящих и просить Андрея сделать то же самое в более богатом книгохранилище Текущих. «Досумрачных» книг нашлось очень мало, а в современных описывалось только астральное тело, и система взаимодействия «человек — амулет» выводилась исключительно через него. Да какая, к даркам, система! Отрывочные сведения со ссылками на других авторов или с наиболее популярным пояснением: «такова воля богов». Но упорства Русу было не занимать, и через четыре месяца (к сожалению, у него хватало дел и без походов в библиотеку, и голова в основном забивалась совсем не проблемами привязки амулетов) он нашел-таки зацепку.

Каждое живое существо окружала аура — своеобразное свечение жизненных сил. Скорей всего она и виделась из астрала в качестве астрального тела, но там, в астрале, с ним можно было работать, поскольку прекрасно различались

нити, из которых, собственно, и состояло тело, и они в той или иной мере откликались на воздействие структур из различных Сил. Аура без астрала оказалась ужасно инертной и практически не взаимодействовала с Божественными Силами.

Рус зацепился за это практически, а также — за заметку из полуразрушенного «досумрачного» свитка: «...ауры людей разнятся. Невозможно найти двух одинаковых: пусть даже братья родятся близнецами, свет их жизненных сил не спутаешь. Стоит поместить в, казалось бы, одинаковые ауры сырые структуры зацикленного потока, как мы убедимся, что кольца сами по себе изменятся и примут устойчивый узор, явно отличный друг от друга, и этот узор не изменится в течение всей жизни. Но, для того чтобы аура и структура стали взаимодействовать, необходимо важное условие, говорящее нам о силе Души человеческой, это...» Далее старый пергаментный свиток, явно дневник старинного ученого, безнадежно испортили мыши. Так и напрашивалась фраза попугая Кеши из популярного мультфильма: «...ну вот, на самом интересном месте!» Рус и воскликнул в сердцах:

— Ну и хранение у них! А еще Хранящими себя зовут! Тьфу, поубивал бы!

А чего он хотел? Не «золотой фонд». Сотни лет эти не укрепленные Знаками книги возили туда-сюда, пока не определили в захолустный Эолгульский филиал.

Рус приступил к экспериментам. Кольцо Силы создавалось элементарно, не менее легко вносилось в ауру и... ничего не происходило! Не менялось, не создавало тот пресловутый «узор», описанный неизвестным Хранящим. Мыши съели самое главное...

Рус по привычке распаялся, желал, чтобы простенькое колечко из одной желтой нити силы Земли изменилось, — бесполезно. Это при его-то Воле! Исследования застопорились. Помог, как это уже не раз бывало, Андрей. Он влетел в кабинет к другу как раз во время занятий с кольцом и аурой:

— Знаешь, Чик, почему до Сумрака рабов не метили?

— Ну? — недовольно откликнулся Рус. Не до Андрея сейчас, сбивает с остервенелого настроения, который не раз помогал достигать хороших вершин в области магии. Да и не только в ней.

Друг — Текущий, который, кстати, тоже не нашел в библиотеке своего ордена конкретных сведений о «досумрачной» привязке амулетов, — не обратил внимания на его недовольство.

— А чего это ты колечками-накопителями обвешался? Хочешь стать живым амулетом? Молодец, хвалю. Хлоп! — тебя от Силы отрезали, а ты — раз! — и бьешь супостата структурой! Он не ожидает и падает. Если не от «дубины», то от смеха — это точно. Силен, брат! — сказал самым серьезным тоном, каким и принято шутить настоящим артистам.

Рус на шутку не отреагировал.

— Ладно, раз ты такой занятой, то я пойду, — сказал друг, делая вид, что разворачивается.

Рус тяжело вздохнул. Поздно выгонять, настрой сбит.

— Говори, чего уж теперь. — И все-таки пояснил наличие накопителей вокруг себя (закольцованные потоки Силы использовали в амулетах и многих структурах в качестве аккумуляторов Силы): — Вычитал кое-что в старинном свитке, проверяю. Ну что там насчет рабов?

— Ага, вычитал... ну-ну. Тебе, похоже, читать вредно. Так вот. Аура выталкивает структуры. Это тебе не старое доброе астральное тело, чтоб дарки этих богов с их ссорами побрали!

Рус удивленно поднял бровь и невольно ухмыльнулся. Такого бессмысленного ругательства он еще не слышал. Дарки — всего лишь демоны-помощники одного из богов — Тартара, бога подземного мира, местного ада. Они никак не могут «побрать» даже самого захудалого божка.

— Потому и рабов не метили. — Довольный, Андрей заметил, что ему удалось пронять серьезного в данный момент друга.

Пусть не рассмешил, но заставил улыбнуться. Любому артисту это приятно, а Андрей был рожден для подмостков. Так считал и он сам, так думали о нем и другие. Семейная жизнь нисколько не изменила его веселый характер.

— Структуру нельзя внедрить в ауру насильно, необходимо осознанное, искреннее согласие раба, но ты же понимаешь, что нормальный человек никогда искренне не пожелает себе рабской участи, а зачем хозяину раб-идиот?

«Это я — идиот! — мысленно ругнулся Рус. — Писал же ученый про силу Души, а я! Заставляю меняться структуру, а надо просто расслабиться и принять их... они же просто кольца Силы и никакого вреда мне не принесут, я это точно знаю!»

— Ой! Что это с накопителями? — прошептал удивленный Андрей.

Он как состоявшийся воин-маг всегда смотрел на мир одновременно обычным зрением и из легкого транса. Потому и заметил кольца сразу, как только глянул на Руса. Увидел и сейчас, как они перекрутились в разных плоскостях и создали причудливый узор, напоминающий цветок лилии. Ну, пусть не цветок, но три характерных лепестка кольца образовали.

Рус, несказанно довольный, оглядывал себя, обвешанного желтыми цветами. Сколько же он этих колец понаделал? Не меньше сотни. Клумба, ей-богу!

— Андрюша, как я тебе рад! — Рус подскочил и схватил друга за плечи.

— Эй, бергат, ты поосторожней с нежностями! — Андрей все еще ничего не понимал. — И цветник свой убери, заразишь еще. — И сам хихикнул от невольной двусмысленности.

— Это ерунда! — провозгласил Рус, и «цветник» исчез. — Ты не понял, что произошло?!

Друг молча потряс головой и добавил:

— Руки бы тоже убрал, что ли... не дави.

— Ха-ха! — Рус разжал наконец руки, но от избытка чувств хлопнул Андрея по плечу, да так, что тот пошатнулся, екнул и потер ушибленное место:

— Лучше бы ты продолжал давить... Так ты объяснишь? — Он догадывался, что «цветочки» — это очередное чудо, сотворенное Чиком, но не мог сообразить, какое именно. Это безумно интриговало его артистическую натуру.

— Он не понял! — воскликнул Рус не менее пафосно, чем мог бы воскликнуть Андрей. — Ха-ха! А кто из нас утверждал, что его работа тянет минимум на мастера, если предложить ее орденской комиссии? Из нас двоих — это не я, я более скромн.

— Да иди ты! Говори, а то я не знаю, что с тобой сделаю!

— Сдаюсь! — Рус шутливо поднял руки, но в его глазах продолжали плясать довольные дарки. — Эти, как ты изволил выразиться, цветочки, и есть новая привязка личных амулетов. Понял? Хорошо, поясню специально для тебя, медленно и последовательно...

Добавляется небольшой циклический поток, только не в накопитель амулета, а как бы наружу, и — готово, можно привязывать. Испытания показали удивительную вещь — человека невозможно обмануть. Если сказать про обтекатель, что он вовсе не защита от магических атак, а амулет, допустим, повышающий потенцию, а такие на самом деле существовали, и многие от них не отказались бы, то, несмотря на горячее желание его заиметь, артефакт не привязывался, и все тут! Рус с Андреем пробовали и так, и эдак — люди при всем их желании не обманывались. Можно было просто умолчать, и тогда аура принимала безвредную структуру, но... до первого упоминания о ней. Не иначе Душа «видела», прав тот древний Хранящий.

Добровольцами выступали (кто бы сомневался!) десяток княжеской охраны. Хитрый Пиренгул ни в чем зятю не отказывал, но потом, конечно, эту десятку тщательно проверили его маги и... больше к телу князя не подпускали. Во избежание, так сказать, хотя абсолютно ничего страшного не находили, в том числе и Целители не обнаружили поведенческих закладок, а таковые они и раньше, до «Ссоры Богов», различали именно через ауру, как посредством нее же определяли и лечили многие болезни. А вот недоброй памяти лооски, наоборот, действовали исключительно через астральные тела.

Рус, побывав «богом», укрепился в собственной Воле, и структуры, основанные на его глубоком убеждении в их действительности, то есть аналоги земных механизмов, действовали безотказно. Правда, наиболее простые аналоги — Волю Богини тоже нельзя сбрасывать со счетов, иногда приходилось искать компромисс.

Структура обтекателя, видимо, относилась к компромиссным. К тому же мешала изначальная простота: купол, внутри накопитель — ни убавить ни прибавить, а надо сделать его работу выборочной, чтобы чистая Сила не отсекалась. Ме-

сяц думал, подбирая подходящие изменения, экспериментировал, пока не осенило...

Флюгер и шарнир. Божественная Сила всегда входит в склонного к Силе ровным потоком, а значит, флюгер не дергается. Стоит Силе завихриться — а структура есть всегда завихрения Силы, — флажок дергается и через шарнир раздвигает сложенный наподобие зонтика купол, причем именно в сторону возмущения. Такая избирательность направления поразила и самого Руса. Хотел — да, но не продумал в деталях, а это оказалось совсем не обязательно. Магия все же далеко не материальная механика. В итоге усложнение структуры получилось не слишком большим, и Андрей при испытании пришел в восторг:

— Ты бог, Чик, я всегда это знал! Просто и эффективно, дарки меня раздери! — И сразу, на кураже вдохновения, прямо на песке перевел русовские каракули из силы Земли в более плавную структуру для силы Гидроса.

— Я не бог, Андрюша, я только учусь, — отшутился Рус, думая при этом: «Не дай бог!»

Божеского обличия боялся как огня. Боялся не вернуться... это походило на смерть отдельно взятой личности, Владимира Дьердьевича Нодаша. А бывшая псевдобожественность, кстати, приносила только плюсы. Осознанная Воля... ну, почти осознанная — раз; стал различать в структурах обрывки божественных Слов либо сами Слова (пока бесполезные и непонятные, но все же) — два; и самое необычное: у Руса время от времени всплывали в памяти знания эльфов — три. Это, несомненно, наследие эльфийской крови, из которой он выплюнул частички их Душ. Но знания, получается, остались. Жаль, что они приходили исключительно фрагментарно, спонтанно, не системно и совершенно независимо от его желания.

Амулетами с новым обтекателем на силе Гидроса занялся Андрей. Он и ранее занимался их выпуском, решили не менять традицию. Да и секретность с этих уникальных изделий еще никто не снимал. Даже магистр Отиг, непосредственный наставник Руса в ордене Храпящих, только подозревал об их существовании.

ГЛАВА 2

Однажды ночью — а эльфийские знания имели противную привычку всплывать именно во сне — Русу открылись сведения от безымянного кагана, отвечающего за секретные ловушки вокруг башен Кальвариона. Стоит заметить, что знания появлялись вроде как от конкретных личностей, но в то же время были «безымянными». Все имена лжебог Рус выплюнул вместе с фрагментами несчастных эльфийских душ. Только одна каганская память лежала в его воображаемой библиотеке на особой полочке с надписью «Эльлэдан» — невеликие познания молодого кагана-разведчика, снятые у него практически мимоходом, во время обмена парой оскорбительных фраз. Прочно укоренился в его голове образ обычной земной библиотеки, а конкретно — автодорожного техникума, и все знания, в конце концов, занимали в ней подобающее место. Но сначала новые эльфийские видения все же требовалось записывать-зарисовывать.

Кляня «коварных эльфов» последними словами, из которых печатные составляли едва ли треть, Рус подскочил к столу с заранее приготовленными угольными карандашами и стопкой чистого пергамента.

Да, именно для таких случаев и пришлось притащить в супружескую спальню большой канцелярский стол, светильник и стул, которые никак не вписывались в интимный интерьер любовного гнездышка. Гелиния отнеслась к этому безобразию с пониманием.

Впервые эльфийские знания открылись Русу на плато Шаманов в обстановке, не располагающей к записи. Да и не думал он в то время о карандашах и пергаменте. А зря — знания скоро вылетели из головы. С тех пор и стал все фиксировать на более надежных носителях, чем собственная капризная память.

Это случилось месяцев пять назад, когда Русу пришлось разбираться с разгневанными Духами Великих Шаманов. Они очень обиделись на то, что он мог избавить их от клятвы давно ушедшему богу, таким образом отпустив из «бренного мира», но не сделал этого.

— Да забыл я, забыл! — клялся Рус перед сверкающими очами мумий Озгула, Боргула и двух скелетов древних воинов-магов из старой экспедиции Хранящих. Остальные призраки носились в бестелесной форме, создавая зловещий гул разгневанного неодобрения.

— Ты обещал! — проревел Озгул, громыхнув об пол бесполезным теперь шаманским посохом.

— Согласен, обещал! Но! По мере возможностей, забыли, уважаемые?

— Не верещи, как глиноз под копытами, хитрая жаба! — прорычал Боргул, полыхнув мертвецким светом в пустых глазницах. — Ты был богом? Был. Мог добратсья до печати? Мог! Ты не выполнил договоренности, и мы разрываем контракт! Отныне...

— Стоять, уважаемый! — резко, со зловещим придыханием прошипел Рус. Понты он умел колотить не хуже, а то и лучше каких-то там древних шаманов. — Я был не богом, я *играл роль бога*, чуешь разницу? А за «жабу» — ответишь. Там такой поток сознаний, что тебе, прозрачному овощу, и не снилось!

На Руса навалился многотысячный ментальный удар. Рисковал ли бывший браток? Еще бы! Его Духи сильны, и его Воля не подарок, но все же против совместного одномоментного давления тысяч разгневанных Душ неупокоенных Великих Шаманов... выдержит, никуда не денется, потому как надо. Здесь, в подвалах древнего храма, хранится не только золото компании «Чик и Ко», но и сами Великие Шаманы, которые ему еще очень даже пригодятся.

Выдержал. Вспотел, заработал красные глаза и головную боль, но выдержал — давление ослабло.

— Все, уважаемые, страсти улеглись? — примиряюще произнес Рус делано-безразличным тоном. Чего ему это стоило! Руки-ноги дрожали, дыхание сбивалось. Как только голос его еще слушался, выдавая нужные интонации! — Теперь по порядку. Да, признаюсь, я о вас забыл. А чего вы хотели! — прервал он снова поднимающийся недовольный рокот. — У меня и без вас забот — воз и маленькая тележка! А кто мне говорил про какую-то печать, а? Ну-ка, вспомните? *Никто!* — сказал, как отрезал. — Была речь о клятве неизвестному мне богу и о том, что снять ее может только он сам.

А теперь что я слышу? Голословные обвинения я слышу! Некрасивый базар получается, уважаемые.

Озгул ответил через долгие полстатера молчания:

— Ты не посланник неизвестного бога, ты... Дурак ты! — пророкотал так сильно, что с крепкого потолка подвала посыпалась вековая пыль. — Мы покажем тебе печать, иди за мной, — сказал и, не оглядываясь, уверенно пошел по лабиринту, припадая на посох. Остальные мумии остались на месте, а призраки куда-то испарились.

«А ведь для понта на посох припадает, старый жук, — думал Рус, двигаясь следом за бывшим «ночным князем». Он заметно высох и еще сильнее побледнел за прошедшие месяцы. — Интересно, чей Дух в нем сейчас сидит? Стопудово самый авторитетный среди них...» — думал, стараясь отвлечься от предстоящей работы. Он заранее предполагал, что она ему не под силу и подспудно продумывал оправдания.

В тусклом свете, в мертвенно-бледной лунной дорожке, вытекающей из глаз мумии, проступали многочисленные завалы, которые под влиянием загадочной Силы Предков разбирались и за спинами двух существ — пока еще живой и давно уже мертвой — собирались вновь. Наконец открылся небольшой, шагов десять в диаметре, круглый зал. В центре одного стоял грубо отесанный шестигранный валун размерами не больше двух локтей в ширину и высоту. Плоский верх был отполирован, посередине располагалось углубление. Ночным зрением, да еще и в свете Озгуловых глаз, Рус прекрасно видел полустертые руны, опоясывающие алтарь. Руны располагались густо, как наколки отмотавшего двадцать ходок зека. Чистые места отсутствовали, за исключением «стола»... нет, в ямке-чаше для жертвенной крови сохранился четкий рисунок оскаленной пасти, как бы глотающей вкусную соленую жидкость. При хорошем воображении можно было бы очень явственно представить, как пасть при этом еще и облизывается.

«Да что за бог ты был?! Явно пришлый, на Гее таких мотивов не прослеживается...» — пронеслось в голове Руса, пока он принимал удобную для работы позу — сиделся, скрестив ноги по-тирски. Озгул застыл за спиной и пригасил взор. Приготовился к долгому ожиданию. А что надо

сделать, ясно без слов — сломать печать. Рус, погружаясь в транс глубже и глубже, видел ее все четче и четче.

Вот она, в глубине камня — Слово Бога, скрепленное фрагментами Душ, поглощенных вместе с кровью. Смертями жертв от алтаря не пахло.

«Это уже хорошо», — определил Рус, нисколько не удивившись своей способности чувствовать жертвоприношения. После того как сам чуть не стал жертвой — это неудивительно.

«Подскажите, друзья», — обратился он к своим Духам.

В ответ — долгое молчание. Не жаловали они пустые разговоры...

«Едрит твою через коромысло, Большой Друг, — в голове раздался плохо различимый голос Каменного, словно катающего во рту валуны. Значит — не уверен. Рус выучил характеры и манеры говорить почти всех своих Духов. — Пробуй Силу Земли да плюсуй Волю. Разбить надо этот хренов камень, и все дела! Но руны сильные, цепко держат, поэтому мы сейчас не при делах».

«Друг мой, не стоит подражать этим бездельникам Великим Шаманам. Они заразились от меня жаргоном, и ты туда же! Будь культурней, тебе не идет. Тем более получается коряво. Им простительно, им развлечение...» — говорил, а сам уже встраивал нити Силы в структуру. Каменный, точнее, Дух слияния с землей промолчал.

Сила Геи пронеслась мощным, почти физически ощущаемым потоком (Рус, кроме своих хорошо прокачанных каналов, подключил и астральный колодец). Над алтарем возник молот с длиннющей ручкой. Размах и неразличимый удар, от которого содрогнулось все подземелье. Пыль, крошка, мелкие и большие камешки заполнили весь бывший алтарный зал... Дух Ветра быстро разогнал все по местам, а... валун остался целехоньким.

Озгул не выразил никаких эмоций.

— Попытка — не пытка, — вслух сказал Рус, пожимая плечами. — Заметил длинную рукоять? Рычаг! Это тебе не просто так. «Дайте мне точку опоры», — говорил один мудрец... — Механический удар «молота», помноженный на Силу, способен был расколоть скалу из твердейшего гранита — в этом Рус был уверен. А поди ж ты — не сработало...

Озгул не ответил. Мумия есть мумия.

До ночи Рус успел провести еще много экспериментов, самым оригинальным из них была попытка создать трещину: при помощи резкой смены жары-холода (помогали «друзья» — Духи) с одновременным точечным ударом. Рус устал и окончательно убедился, что все его попытки — тупик. Физика не поможет: дело в этих чертовых рунах, которые вцепились в то чертово Слово!

Плюнул на гордость и горячо помолился Гее — та сделала вид, что не услышала. Призывал Френома — с таким же успехом. Но на него, исповедующего принцип «воин должен рассчитывать на собственные силы», он и не надеялся.

Вода во фляжке плескалась на самом доньшке, поэтому Рус только промочил горящее горло и, свернувшись калачиком, лег на каменный пол. «Утро вечера мудренее», — здраво рассудил он и заставил себя уснуть. Голод мучил не так сильно, а вот пить хотелось невероятно.

Мумия продолжала стоять молчаливым истуканом, в котором чудился немой укор. Рус так распалился, что забыл все заранее выдуманное оправдание.

«Я буду не я, если не расколю этот чертов орешек!» — пообещал сам себе, гася злость — помощницу во многих делах, но, к сожалению, не в этой безнадежной затее. Сейчас он бы с удовольствием ушел «ямой» домой, вкусно поел, сладко попил, но... координаты не снимались, а Озгул больше сюда его не поведет — в этом Рус был почему-то уверен.

Не рассчитывал он ни на какое снятие печатей, думал просто заболтать-отвертеться. Зачем поперся за мумией? Правильно, слишком сильно пальцы гнул, не мог не пойти...

Рус подскочил ночью как ужаленный. Какой-то старый альган разбирался в рунах Изначального языка, языка Истинных Перворожденных. В голове появилась четкая картина рун, вырезанных на больших пластах коры Древа Жизни. Он знал имена каждой из них и только что с удивлением понял, что значение заклинания изменится на противоположное, если прочитать его задом наперед. Только для этого необходима толика Божественной Воли, коей обладали Истинные Перворожденные и потеряли их дальние потомки.

Спросонок, подходя к алтарю, Рус еще путался, кто он есть — имеющий имя человек или безымянный альган. Без труда нашел исходную руну, два раза обогнул камень и уви-

дел завершающую. Надпись шла по спирали снизу вверх. Набрал полную грудь затхлого воздуха, и... из него полились звуки Изначальной речи. Странное пение, переходящее от баса к дисканту, отдаленно напоминало заклятие эльфов во время создания «межреальности» или молитву венчания на Этрасское царство. Начал с завершающей ноты, ибо древние руны означали не слоги-звуки, а слово-тон-продолжительность, и закончил исходной, то есть «пропел» заклинание наоборот. По мере произношения очередной руны та вспыхивала и выплывала из камня. По окончании «обратного пения» вокруг Руса висели горящие жарким малиновым светом вычурные знаки, а из глубины камня медленно поднималось бледное Слово.

«Господи, в нем Воли бога почти не осталось, оно держится исключительно на Силе душ самих Шаманов! Идиоты, им стоило поверить, что печати-то, по сути, больше нет, и все! Слово распалось бы само! — с искренним недоумением подумал Рус. Легко быть умным, когда дело не касается тебя лично, правда? — А Волю мы сейчас добавим...» С этой мыслью он занес руку над жертвенным углублением и резанул по запястью кинжалом. Кровь потекла из пореза, свесилась с кожи набухшей каплей, нехотя оторвалась и полетела в довольную «пасть зверя»...

— Дармилей Разрушитель! — Рус перехватил каплю другой рукой, не позволяя упасть в углубление алтаря, и резко повернулся к мумии Озгула. Его голос звучал перекастистым басом — почти так же зловеще, как голоса самих призраков. Теперь он знал каждого из Великих Шаманов по имени и совсем этому не удивлялся. — Ты в ответе за всех своих товарищей?

— Меня слушают, — уклончиво ответил Озгул, и Рус мог бы поклясться, что он самое малое напуган, а скорее всего в ужасе, но тщательно скрывает свои эмоции.

— Всех сюда! — скомандовал Рус, и небольшой зал сразу, будто души только этого и ждали, забился бестелесными сущностями. — Я отпущу вас всех, избавлю от клятвы, но вы пообещаете мне, что часть из вас по-прежнему останется охранять плато. Если хотите, меняйтесь, разработайте график. — После этого слова ловко слизнул готовую упасть кровь. «Черт, глубоко порезал... успеть бы». Не слушая го-

мон в целом согласных Духов, продолжил: — Обещаете по моему призыву являться ко мне из «мира Предков» в мир живых и выполнять мои маленькие просьбы. Не переживайте, это будет нечасто. — И снова, почти выворачивая руку, слизал кровь с другой стороны ладони. Горсть наполнилась практически доверху. — Я жду!!! — прорычал Рус. — Иначе сожгу эту кровь, к даркам, и пошли вы куда подальше! Оставайтесь здесь еще на пару тыщенок лет!

— Да, Господин, согласны! — Хор голосов почти оглушил, но Рус четко расслышал — ни один не отмолчался.

— Я вам не Господин, я — Освободитель! Понятно?! — Он помнил, как объясняли разницу его Духи, ставшие «друзьями». Просьбы выполняются охотней, чем приказы, но главное — Духи в свободном состоянии гораздо сильнее.

В третий раз кровь из ладони пришлось банально отхлебнуть. Ничего, не перемутило.

— Понятно, Гос... — Эти запнувшиеся слова прозвучали слаженно, а далее зазвучала разноголосица: — Освободитель... Освободитель... Осво...

Рус терпеливо дождался тишины и торжественно произнес:

— Я жду обещания...

— Обещаем! — рявкнул слаженный хор, напомнив военный парад, и хитрый человечешка перевернул наконец ладонь.

Едва кровь коснулась намалеванной в чаше пасти, как из нее вырвался столб белой Силы. Слово Бога завывало, заметалось, но, не в силах сопротивляться, поплыло к этому столбу, на ходу теряя кусочки душ, которые устремлялись к «своим» призракам. Столб поглотил уже совершенно блеклое, полупрозрачное Слово и сразу исчез. Бывший алтарь покрылся трещинами и на глазах рассыпался в обычную подвальную пыль. Куда и когда пропали горящие вокруг Руса руны, он так и не заметил.

— Предки!!! — раздался чей-то восторженный вопль, и призраки один за другим стали исчезать.

— Стоять, неблагодарные! — громовым голосом остановил их Озгул, точнее, Дармилей Разрушитель. — Освободитель еще здесь!

— Ладно, ребята, — Рус успокаивающе поднял руку, — я устал и пошел домой. Вы уж сами тут, без меня, разбирайтесь. Дармилей — за старшего. — Сказал и, не теряя времени, благополучно провалился в «зыбучую яму».

В «Закатном ветерке» выскочил в привычном месте — в гоштовом саду. Прошел мимо удивленных стражников и устало побрел в дом, где предвкушал встречу с заплаканной женой и заранее подавлял укоры совести. Ушел на пару четвертей, а вышло... Переживает, бедненькая!

В действительности все вышло не так страшно. Гелиния прекрасно чувствовала его состояние на любом расстоянии (подарок либо шутка Геи или любовь, усиленная «смешением» душ, которое произошло тогда, когда девушка приходила в его внутренний мир). Он тоже в любой дали знал душевный настрой Гелинии, но просто, как большинство мужчин, был менее восприимчив «ко всяким нежностям-трепетаниям». Встретив, жена обняла его, поцеловала и повела в столовую, где стол ломился от яств.

Наутро Рус приказал принести в спальню канцелярский стол. Он очень досадовал, что забыл значения почти всех рун Изначального языка...

Рус быстро и тщательно записывал и зарисовывал знания «секретчика». Работал механически, отрешившись от эмоциональных оценок открывающихся возможностей. Главное — скорость. Необходимо записать как можно больше и только потом восторгаться результатами.

— Все, Гел. — Через целую ночную четверть Рус устало откинулся на спинку стула. — Похоже, полезные вещи... через день очередная заброска.

Он давно ощущал сочувствующий взгляд жены. Она проснулась вместе с ним и так и не легла, терпеливо дожидаясь завершения работы. Сидела на кровати, положив голову на поджатые к подбородку колени, и любовно смотрела на склоненную спину мужа. Так повелось с первой ночи этих внезапных «откровений».

— Я тоже на это надеюсь, Русчик, а то мне всегда обидно, когда ты так работаешь, не спишь, а выходят воспоминания какой-нибудь обиженной женушки...

— Но даже они, — Рус повернулся на стуле к кровати, —

помогали мне картографировать город и долину. Ничего случайно не всплывает, я в этом уже убедился.

— Закончил? — Гелиния зевнула. — Давай спать. Но только спать! Надоело приезжать на занятия невыспавшейся.

— А ты спи, зачем мне спину взглядом протираешь? Светильник¹ я от тебя отворачиваю...

— Ага, ты будешь над столом корпеть, а я сладкие сны видеть? Я с тобой и в радости, и в горе — забыл? — В это время Рус уже забирался под легкое покрывало. — Давно говорю тебе: давай буду помогать, — и в такт этим словам локотком колола бок мужа.

— Ты только мешаешь, — так же ритмично ответил Рус.

— Тогда забрось меня в Кальварион, — тем же напевом произнесла Гелиния.

— Говорю в который раз: не время, вместе пойдем. — Как ни хотел, но эта фраза в ритм не уложилась. — Тьфу, Гелька! — Рус разозлился. Больше на самого себя, из-за неопределенности с Силой пятен, чем на привычные просьбы жены-непоседы. — Сказал вместе, значит вместе! Уже скоро! — ответил на невысказанный вопрос. Сразу успокоился и «перевел стрелки»: — Тем более тебя Отиг не отпускает.

— Но в Этрусию же отпускал! — теперь возмутилась Гелиния. — Стоит тебе попросить, и он все для тебя сделает!

— А вот и нет! Тебе тогда необходим был отдых для укрепления каналов Силы. Ты же проходила занятия на растяжение, забыла?

— Врешь ты все! Как всегда! — Жена обиделась и отвернулась. Что и требовалось уставшему Русу.

«Чертово пятно!» — привычно посетовал он.

Его тянуло туда. Половина души жила там, в загадочном и прекрасном Кальварионе; помнила ласковые объятия пятна: мира части его сущности, мира, готового выполнить любое желание. Но Рус опасался не вернуться. Вдруг Сила обретет Имя... и это станет его именем. Навсегда станет, на всю вечную жизнь... Чувствовал — так и случится. Это помогало терпеть и ждать. Свой «божественный» образ он вспоминал с содроганием.

¹ Светильник — амулет Светящих.

Побережье Северного моря встретило их ярким цветочным ковром.

Весна в этих краях скоротечна, как коротко и холодное лето. Надо торопиться, чтобы продолжить хоровод жизни. Быстро отсверкать яркими красками, скорее вырастить мелкие семена и вовремя уронить их в холодную землю, дабы зарылись они поглубже на долгую зиму. Тогда появится реальный шанс встретить следующее весеннее тепло и подарить тундре новую жизнь.

— Ух ты! — воскликнула Гелиния. — Как красиво, Рус!

— Это только для тебя! — высокопарно произнес бывший этрусский царь, пораженный весенней тундрой не меньше своей ненаглядной. Тучи гнуса бессильно гудели вокруг их тел, не в силах преодолеть обычный магический фумигатор — противокомариный амулет, сделанный эолгульскими алхимиками ордена Пронзающих.

— Врешь, а все равно приятно! — С этими словами Гелиния поцеловала Руса в щеку.

— Сейчас в Этруссии конец весны, месяц травень¹, — пояснил муж, — совпадает, как сама понимаешь, с геянским Эребусом. Заметь, как удивительно: бог сгинул, а месяц остался.

— Чего тут удивительного, — не согласилась жена, — весна никуда не делась. Но как странно, Русчик! Север, а все вокруг цветет! Больше, чем в Тире. Хочу здесь жить! — прокричала она, восторженно вскинув руки и закружившись в каком-то подобии танца.

— Нет вопросов, дорогая. Эти земли как раз свободные, построимся! Но... — Тут он выдержал хитрую паузу. — Море цветов — это потому, что торопятся. Лето короткое, а зима длинная. Море тогда замерзает, а кругом лежит снег. Снежное безмолвие... Всему живому надо успеть родить за короткое лето... — Старался говорить как можно поэтичнее и нарывался:

— А мы, Рус, — тихо сказала Гелиния, замирая, — когда мы родим?

— Тю-у-у... — потенциальный отец обнял свою благоверную, — по мне, так хоть завтра!

¹ Травень — соответствует земному маю или общегеянскому эребусу. В «просвещенных» землях был принят гелинский календарь из двенадцати месяцев с именами общепризнанных богов.

Своенравная княжна вдруг взбеленилась и вырвалась из объятий:

— Ты на что это намекаешь?! Я тебе не стельная борчиха¹, чтобы рожать для твоего приплода! — Сказала так гордо, будто и не было секундного сожаления. — Вот отучусь два года, тогда — пожалуйста. И вообще, я сама определю, когда мне рожать! Ясно?! И не смей мне указывать!

— А я тебе разве указывал? — Рус хитро прищурился.

— Да! Ой, нет... но намекал! Лето здесь короткое! Видите ли... Все, не хочу здесь жить, пошли отсюда, — сказала, стараясь спрятать за капризным тоном давно сдерживаемое расстройство.

— Идем, любимая, — все для тебя! — произнес он, торжественно разводя руки, и продолжил делано-безразличным тоном: — Рожай, когда тебе вздумается, можешь даже не от меня...

— Идем. — Гелиния уже потянулась к нему, когда до нее дошел смысл его слов. — Что... что ты сказал, повтори! — Последнее слово почти прорычала, и маска надменности слетела с ее лица.

Прищурилась, дунула, сбивая с глаза упавшую прядь, и бросилась на мужа с кулаками. Причем старалась делать так, как и он, и Леон, и Максад ее учили: бить в уязвимые места, уклоняться, использовать инерцию более тяжелого мужского тела. Конечно, лучше сбежать от неравной схватки, но не от родного же мужа?

Вскоре он, поверженный, лежал на спине, она — растрепанная, уставшая, разгоряченная схваткой — сидела на нем и била кулачками по его груди:

— Ты дож-дешь-ся, ро-жу не от те-бя... — Каждый слог сопровождала ударом, но глаза, до этого горящие праведным гневом, больше не метали молнии.

Рус заметил, что запал у жены пропал и держалась она исключительно на упрямстве. Не обращая внимания на лег-

¹ Борчиха — самка борка (*разг.*). Основное мясомолочное животное, умная и выносливая безрогая «корова». Борки вышли из каганских птяен вместе с единорогами, которые выходили также и из альганских лесов. Одомашнились и расселились по всей Гее.

кое, больше капризное, сопротивление, притянул к себе, поцеловал и зашептал в самое ухо:

— Успокойся, Солнышко! Не казни себя. Я все понимаю: надо доучиться — во время беременности расширять каналы опасно. Честное слово, я подожду.

Гелиния лежала на Русе, с трудом сдерживая слезы: «Он прав, он всегда прав! Величайшая¹, ну почему так несправедливо! Всегда хотела быть свободной, а теперь безумно хочу ребенка! От него, от моего Русчика!»

А во время этих мыслей говорила:

— Пошли отсюда в самом деле. К людям, во дворец. А то разревусь. Не хочу перед Эрланом предстать страшилищем.

ГЛАВА 3

Эрлан Первый облюбывал себе покои в древнем крыле замка, на примере убиенного Гросса Пятого убедившись в пользе старых добрых подземных ходов. Тем более что Звездные тропы так и не создавались.

Рус с Гелинией вышли из «ямы» перед старой спальней Гросса, то есть в новом крыле. Других координат в царском дворце Рус просто не знал, не удосужился снять в свое время. Их встретила невозмутимая пара скучающих гвардейцев, узнала и со всем уважением проводила в другое крыло замка.

Гелиния удивленно озиралась по стенам. Кругом — изображения батальных сцен. Отдельными полотнами висели многочисленные портреты этрусков — царей, наследников, военачальников, жен. Часто встречалось изображение единственного бородатого мужчины, всегда смотрящего прямо в глаза требовательно-призывным взглядом. О нем и прошептала в первую очередь:

— Кто это, Рус?

— Френом, бог этрусков. Он являлся на землю пять тысяч лет назад, — прошептал в ответ муж. — Про остальных не спрашивай, не знаю.

¹ Величайшая — «титул» богини Геи, посвящение которой принимали все Хранящие и часть обычных жителей. Почитали же ее почти каждый четвертый.

— Нет, у нас лучше, — заключила она через некоторое время. — Гораздо красивее и грандиозней, даже в Эолгуле. А ты еще Альдинополя не видел.

— У вас, — он выделил слово, — вычурней, а не красивей. Тут уютней и, согласишься, будто сама история смотрит. И теперь это у нас, а не у вас, привыкай.

Гелиния тихо фыркнула, обозначая свое несогласие, но прошептала противоположное:

— У нас, милый. Я привыкну. Не такие уж они и варвары, только чуть-чуть отстают.

На это фыркнул Рус, но дальше спорить не пришлось — пришли. Гвардейцы какими-то хитрыми путями, проходя только пустыми коридорами, привели путников в комнату без окон, освещенную масляными светильниками, и единственной, кроме той, в которую зашли, ничем не примечательной дверью.

— Князь Рус Четвертый, княгиня...

— Гелиния, — подсказала девушка.

— Подождите здесь. — Один из гвардейцев показал на лавку вдоль стены. — Царь выйдет, как только освободится. Это недолго, уверяю вас... — хотел добавить еще что-то, но промолчал. Впрочем, по тщательно отводимому восторженному взгляду и так понятно: «Сын Френома прибыл! А то и сам бог, кто его знает».

Во время речи первого этруска второй незаметно скрылся за дверью, открывшейся-закрывшейся абсолютно бесшумно. Поспешил доложить. Эрлан сорвется хоть с госсвета, хоть с любимой жены — к прорицательнице не ходи! Только эта таинственность...

«Не, все правильно. Эрлан — умница, так распорядился. Специально меня там ждали. Может, и до сих пор ждут в других местах «наиболее вероятного появления» — я же не докладывал, когда и куда. Ну а уж если гвардейцы на меня так смотрят, то с большими массами народа мне действительно лучше не встречаться...» Мысли Руса прервал вышедший из таинственной двери гвардеец:

— Князь и княгиня, придется пройти в другие покои.

Они сделали полукруг по новым проходам, один раз задержавшись, чтобы пропустить за поворотом каких-то громко разговаривающих людей числом, судя по голосам, не ме-

нее десятка, и подошли к той же группе комнат, только с противоположной стороны. В этот раз второй гвардеец просто распахнул дверь и молча пропустил «князя с княгиней».

Эрлан стоял посреди большого помещения с двумя столами, заваленными свитками и листами пергамента. На стенах висели всего четыре портрета: неизвестного хмурого этруска, Гросса Пятого, самого Эрлана и... Руса Четвертого, почему-то в старинных латах — почти сплошной броне.

Так они и застыли: Рус с Гелинией напротив портрета, с которого «тот» Рус, удивительно похожий на настоящего, смотрел очень даже грозно. Высокий живой Эрлан Первый, одетый в национальный жилет — скромный, из мягкого войлока, совсем не соответствующий его царскому положению, оказался как раз между двумя «изображениями» прежнего правителя и не знал, что делать.

Первым опомнился Рус:

— Здравствуй, Эрлан! — Широко улыбаясь, подошел к царю, приобнял за плечи и сразу отстранился. Никогда они не дружили как равный с равным, несмотря на легкость и простоту общения в «агитационном отряде»; Эрлан всегда подчеркивал высокое положение Руса-принца и не сближался. — Гелиния, подойди к нам. Познакомься заново: Царь Всех Этрусков Эрлан Первый, можно просто Эрлан. — Заглянул в глаза нынешнего государя, поразился смятению его чувств и продолжил гнуть свою линию: — А я — просто Рус. — Говорил, казалось, в самую душу. — Так ведь, Эрлан? Мы теперь ровня, ни к чему устраивать чинопочитание... Так? — На это слово нажал особо, и самодержец наконец определился.

— Здравствуй... Рус! — тихо продавил он простое слово и расслабился. — Здравствуй, Гелиния, очень рад встрече.

Как он изменился! Не внешне: обладая магией Призыва, за телом проследить не трудно, а вот внутренне — будто надломился. Рус легко прочитал это в его взоре и испытал укор совести: «М-да, не подумавши я тогда поступил... Но он единственный, кого я знаю, не имел прямого кровного родства с Груссом! Да, генеалогическое древо в тереме Радана все решило. Почти спал тогда, но все же углядел... Нет, ну не мне же становиться царем страны, о жизни которой я понятия не имею! Ничего, Эрлан, справишься! Я в тебя верю! —

Вот так ловко снова скинул с себя ответственность. — Тем более уже поздно, ничего не изменишь». И успокоился окончательно.

— Эрлан, мы на пару четвертей, просто погостить. Гелиния уговорила, ты же знаешь жен! — И незаметно толкнул супругу.

Жена поняла:

— Да, Эрлан, я ему все уши истоптала! Помнишь, побежала за вами, а он, — открыто толкнула Руса, — выбросил меня обратно в Тир! После этого я с него не слезаю. — С этими словами так лукаво посмотрела на царя Этрусии, что тот расплылся в улыбке:

— Рус, Гелиния, вы голодны? — И, не дожидаясь ответа, позвонил в колокольчик. — Обед на троих, прямо сюда, — распорядился, не оглядываясь на степенно вошедшего пожилого этруска в неизменной жилетке, прошитой золотыми нитями так, что атлас только угадывался.

— Слушаюсь, государь. — Пожилой важно кивнул и не менее важно вышел. Если он и удивился приказу, то виду не подал. А Рус предусмотрительно отвернулся и заговорил только тогда, когда слуга вышел:

— Ты прав, мы есть хотим... — Но Эрлан остановил его взмахом руки и тихо проговорил:

— Не стоит шуметь, скоро внесут обед. Вы раздевайтесь, не то вспотеете.

Молодожены только сейчас обратили внимание, что они как были в длинных кожаных плащах с откинутыми капюшонами, так в них и оставались. Жарковато в помещении. Рус принял у Гелинии дождевик, снял свой и по указке Эрлана сложил их на стул. Задвинул под стол и снова вовремя отвернулся, делая вид, что копается над сиденьем. Услышал стук колесиков по каменному полу и сразу учуял запах такой вкуснятины, что невольно сглотнул слюну.

— Все свободны! — приказал царь. — Соригон, не надо помогать гостям, мы сами справимся, свободны!

Рус выпрямился лишь после закрытия большой двустворчатой двери:

— Ну ты...

И снова был остановлен этрусским самодержцем, который подходил к закрытому занавеской косяку. Повяло си-

лой Призыва, и по всему кабинету активировались глушащие Знаки.

— Наконец-то! — облегченно воскликнул Эрлан и резко обернулся.

Его воспаленные глаза метали молнии. Оказывается, он еще сдерживался, смотря на бывшего принца первые мгновения встречи.

— Рус Четвертый, пасынок Френома! Раз ты позволил по-простому, то я так и скажу: ты подставил меня под венец, не спросив согласия! Это благородно?! Думаешь, я только и мечтал о царстве?! — Рука, сжимающая рукоять кинжала, побелела (привычный меч отсутствовал), государь угрожающе надвигался на Руса...

— Ой, Эрлан, у тебя каблук отвалился, — озабоченно сказала Гелиния, и царь рефлекторно перевел взгляд на свой сапог. Непонимающе поднял один, второй, а княгиня меж тем продолжала: — И вообще, ты пригласишь к столу? Я голодна как волк! Да, как волк! Волчица столько не съест, сколько я готова... а какие запахи! Понюхай, Эрлан!

Царь, осознав неуместность своего поведения, чуть ли не физически сдудся. Покачался на целехоньких каблуках, хмуро помотал головой и бросил руку, с трудом отняв ее от кинжала, в сторону стола на колесиках с источающими манные запахи блюдами:

— Угощайтесь, гости дорогие! — Яд в его голосе мог бы отравить продуктов и в пять раз больше, чем предстояло съесть. Но гости оказались непривередливыми.

«Какая она у меня умница!» — восхищенно подумал Рус, подставляя жене стул.

Выпили, поели, выпили, еще выпили... Самое то, что нужно в подобной непростой ситуации. Не так представляли молодые супруги теплую встречу со старым знакомым.

— Какие у тебя замечательные повара, Эрлан, — нахваливала Гелиния, без всякой игры уминая за обе щеки. — Мм, такую перепелку... это перепелка? Прости — стокач. Сама удивилась, с чего бы она такая большая... А соус! Не знаешь, из чего готовят?

Эрлан сначала отвечал неохотно, но сам не заметил, как втянулся...

— Ты понимаешь, что самое обидное, Рус? — В конце кон-

цов, царь, наплевав на отрезвление, позволил себе напиться и теперь изливал другу душу. Они сидели уже около четверти, и ему приходилось четырежды подходить к дверям, отключать «глушилку», орать все более пьяным голосом, что все нормально, а то выбили бы створки. Отходя от дверей, не забывал снова активировать Знаки. — Я — не самодержец, я — твоя марионетка, и ты это прекрасно знаешь! Да это все вокруг знают, у всех на рожах написано! Ты можешь прийти в любой момент, и все тебя ждут! И я жду в первую очередь! Понимаешь?!

— Ну приду, и что? — Рус хоть и меньше, но опьянел тоже изрядно. Он тоже выключил отрезвление и Духов строго-настрого... попросил (это соответствовало грозному приказу).

— А то! Отдашь распоряжения, о которых я даже и не подозреваю, и снова смоешься в свою «яму»! А я исполняй. Ты же — сын бога, это не шутки. — Говоря это, Эрлан пьяно качал пальцем у самого лица «божьего сына».

— Да не буду я лезть к тебе с поручениями, вот еще! И так достаточно наприказывал. Кстати, как выполнение?

— А-а-а, — отмахнулся Эрлан и вдруг расцвел: — Мы же до моря дошли! Дней пять, как голубь от Филарета прилетел. Кушинги¹ не сопротивлялись, а кочевников разбили напроць! — И хлопнул по хрупкому столу. Изящная столешница треснула, вино и огневичка, подпрыгнув в кувшинах, пролились на белую скатерть, а часть тарелок попадала на пол, звонко зазвенев серебром и разбрызгав остатки того, что там еще находилось. Несмотря на выпитое, ловкие воины и юная маг-Хранящая (практически трезвая) успели отскочить, не замаравшись.

Царь продолжил как ни в чем не бывало:

— Они, понимаешь, привыкли все из астрала подглядывать, а Филарет и старые книги изучал, и о знаниях Леона из геанской истории хорошо мне отзывался. Пригодились. А где он?

¹ Кушинги — племя морских торговцев. Имели небольшое собственное княжество на побережье, точнее, большой город-порт Кушинар. Кочевники их не трогали, ограничиваясь данью и выгодой от торговли кушингов со всем миром.

— Пока в Тире. Силу осваивает ускоренными темпами. Живет в «Величайшей Гее», это таверна рядом с орденом. Ты, поди, бывал в ней, когда за мной следил, — ответил Рус, присев на стул. Теперь уже вдали от поврежденного изобилия, мечты гурманов. Так же, поморщившись, поступил и Эрлан. А Гелиния, ругнувшись в сердцах, принялась наводить на столе хотя бы видимость порядка.

Для нее не стало откровением «божественное» происхождение мужа, он рассказал об этом заранее, как о веселом казусе. Мол, этруски сами определили, он повода не давал. Сейчас убедилась в полнейшей серьезности их убеждения, и это приятно грело ей душу. Еще бы! Быть женой сына бога (да пусть даже пасынка и пусть ненастоящего), но в этом уверены все окружающие — это выше, чем быть царицей! Положение настоящего этрусского царя — наглядное тому подтверждение. Раньше Эрлан почитал Руса как своего принца, а теперь... Гелиния затруднилась с определением, но одно уяснила точно: ее ненаглядный самый главный в Этрурсии! И он ее любит. Правда, напился, как раб в освобождении, никогда таким не видела, но в данной ситуации это — необходимо. Ничего, протрезвеет.

— Какую Силу? — не понял Эрлан. — Он вроде не был склонным... А-а-а! Ты же провел обряд обретения соратников! Точно! Подожди, так его к нашим жрецам надо...

— Не, он к силе Геи склонен. Не знаю, как так получилось, наверное, они там, — словно надеясь увидеть богов, Рус запрокинул голову, — между собой так решили, я не в курсе.

— Ну да, — согласился этруск, — ты же еще и Гее посвящен, все может быть...

«Та-а-к, милый, тебе еще много предстоит мне рассказать, никуда не денешься!» Гелиния дернулась, услышав об обряде, и продолжила делать вид, что занимается исключительно столом, стараясь стать как можно незаметней. Вдруг еще что-нибудь интересное откроется?

— Кстати, Эрлан, а как дела с орденом Призывающих?

— У-у-у, — царь чуть не взвыл, — это самая большая головная боль! В Думе, ладно, грусситы на гросситов косятся — привыкнут. — Рус хоть и был пьян, но радостно отметил, что нынешний царь, бывший ярый груссит, не причисляет себя к некогда «родной» партии, — А орден... давай зав-

тра, я не соображаю. О, слышишь, опять долбятся! Вот и жену позвали. — При этих словах недовольно скривился, а из-за двустворчатой двери слышался женский голос («глушилка» работала односторонне):

— Эрлан! Немедленно открой дверь! Ты там с женщиной! Если не откроешь, я позову Фридланта!

Гелиния впервые услышала этрусскую речь. Слов не поняла, но общий настрой ясен: жена сильно ревнует мужа и грозитя страшными карами.

В ответ на слова жены Эрлан обратился к Гелинии, забыв, что она не понимает по-этрусски:

— Слышала? Верховным жрецом угрожает. — Вспомнил, что Гелиния иностранка, и продолжил, как и весь предыдущий разговор, по-гелински: — Пятнадцать лет женат, а как была стервой, так и осталась! Родители нас женили, у нас так водится.

«И не только у вас...» — мысленно отметила девушка, отчего-то испытывая довольство.

— Смотрю на вас с Русом и завидую. Эх, мне бы тоже упорство проявить! Теперь поздно. Зато сын — весь в меня и дочка — красавица, обязательно познакомлю! Жаль, видел их нечасто... раньше, понимаешь, я с ней почти не жил... и хорошо было! Теперь приходится... Рус! Ты и про это не поинтересовался, перед тем как... э-э-э... да чего теперь... — Досадно крякнув, царь пошел открывать дверь.

Гелиния бросила на мужа прожигающий взгляд, примерно соответствующий такому выражению: «Как ты мог! К даркам царство, но заставляешь человека жить с нелюбимой!» — ну, или что-либо подобное. Рус виновато, но супруге показалось — хитро, пожал плечами: «Понимаю, но откуда же я знал?» Несведущий человек, глядя на подобное выражение чувств, вполне мог подумать, что если бы Рус представлял себе глубину семейных проблем Эрлана, то это в корне изменило бы то судьбоносное решение. Но Гелиния уже успела выучить мужа, как она считала — неплохо, поэтому с грустью определила: «Эх, мужи... и ты, Русчик, ничем от них не отличаешься... наплевал бы ты на Эрланово горе...» Именно «горе»! Юношеский, в ее случае — девичий, максимализм у молодой княгини не вполне еще выветрился.